

ТІЛ БІЛІМІ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

К. К. Ахмедьяров

КОНЦЕПТ «ТРАВА» В ДИСКУРСЕ БАХЫТА КАИРБЕКОВА

Словообраз-концепт «трава» в речемыслительной деятельности Бахыта Каирбекова относится к числу ядерных, или ключевых. Этот лингвостетический факт мотивирован в первую очередь сквозной актуализацией данной единицы художественного сознания в текстах каирбековских произведений, а также включенностью соответствующего ключевого словесного знака в заглавие стихотворения и в название стихотворного цикла, состоящего из тринадцати стихотворений [1]. Активная функциональная значимость концепта «трава» в дискурсе Бахыта Каирбекова обусловлена в первую очередь художественной синтагматической экспликацией данной ментальной структуры в составе концептуальной метафоры «родословная травы», приобретающего стилистическую и смысловую достаточность в заглавии стихотворения и в названии стихотворного цикла. Лексема «родословная» в прямом употреблении и истолковании означает: «совокупность поколений, относящихся к одному роду». При этом в узусе, как в языке, так и в речи, словесная единица «родословная» на уровне синтагматическом распространяется генетивными номинатами «человека» или «животного», элиминируя номинаты-распространители из растительного мира. Сравните: всегда есть «родословная человека», возможна «родословная животного», но нет в обыденной речевой практике – «родословной растения».

Концептуальная метафора «родословная травы» как свернутое сравнение в лингвопоэтическом отношении, на наш взгляд, корреспондирует прямо со «сравнениями нового времени» (термин Масловой В.А.), которым присуща не только изобразительная функция, но и функция порождения нового смысла. Более того, сравнения нового времени, по наблюдениям В.А. Масловой, могут выполнять текстообразующую функцию, строить текст-сравнение: «...сравнение не просто вырастает из текста, а как бы прорастает в текст, цементируя его, обеспечивая тем самым сцепление текста в структурное целое» [2,149]. О прагматической функции сравнений нового времени российский ученый говорит: «Они нужны для иллюстрации сложных идей. Яркий и неожиданный образ помогает пониманию, запоминанию, в нем сильно убеждающее начало. Старое и давно известное в таких сравнениях предстает преображенным и переосознанным. Сравнение здесь не украшение речи, текста, оно суть, способ более широкого видения мира. Открывая мир, такие сравнения как бы диктуют реципиенту определенное настроение» [2,150]. Лингвопоэтическая корреспон-

денция концептуальной метафоры «родословная травы» со сравнениями нового времени обусловлена в первую очередь активной функциональной значимостью данных речемыслительных единиц в словесном эстетическом целом; в более точном определении концептуальная метафора, как и сравнения нового времени, – «иллюстрация сложных идей» автора-творца и соответственно названные текстопорождающие структурные элементы могут квалифицироваться в качестве ядерных смысловых компонентов словесного эстетического целого. «Сложная идея» Бахыта Каирбекова, репрезентируемая во внешней и внутренней смысловой структуре концептуальной метафоры «родословная травы», – это идейно-тематическая актуализация и авторская интерпретация архетипического комплекса «Сад и его составляющие», когда «трава» – одно из опорных составляющих архитипической ментальной структуры «Сад». Казахстанский специалист в области архитипики Е.М. Лулудова об архетипе сад пишет следующее: «...сад – это мир не столько увиденный, сколько созданный художником, микрокосм, целостный и антонимичный одновременно, вбирающий брэнное и вечное, мертвое и живое, реальное и символическое, эмпирическое, сиюминутное и трансцендентальное; это быт и бытие в его совокупности...» [3,66].

С целью истолкования дискурсивной функциональной значимости словообраза-концепта «трава» и концептуальной метафоры «родословная травы» в составе архитипического комплекса «Сад и его составляющие» считаем необходимым еще раз обратить внимание на своеобразие творческой личности Бахыта Каирбекова. Как поэт Бахыт Каирбеков становится своеобразным бахсы – музыкантом, прорицателем, врачом и учителем, как любой настоящий поэт Бахыт Каирбеков – своеобразный медиум, канал связи между человеком разумным и Богом; слово поэта – живой организм, одухотворенный высокой духовностью, одухотворенная субстанция, передающая вечные истины, вступающая в диалог с прошлым и будущим, трансформирующая настоящее. В целом своеобразие речемыслительной деятельности Бахыта Каирбекова связано с его эстетической концептосферой, ядро которой составляют художественные концепты, или устойчивые мифологемы «сад», «трава», «вода», представляющие особенности миропонимания и миростолкования мастера слова, точнее его «проникания» в центры Бытия. Если воспользоваться терминологией эстетико-философской концепции Бахыта Каирбекова

то, он – «кочевник с авиабилетом», в основе художественной ментальности которого «мифо-ритуальный сценарий миропонимания кочевника». Поэт в эссе «Лик времени – Движение Луча» прямо декларирует:

«Современный человек вновь обретает свое первобытное лицо – облик Кочевника.

Его дом – условен и жалок.

Он одинок в своей тоске по Несбыточному.

Он – сирота – отлученный от Неба и Земли.

Он отлучен от песен, стихов и сказок.

Песни его – безлики и мертвы.

В них больше от вопля и мычания замученного раба.

Стихи – хрип и шепот изредка пробивающейся из-под асфальта Травы».

В этом художественно-публицистическом рассуждении обращаем внимание на заключительное высказывание, где в соответствии с номадическим мировоззрением Бахыта Каирбекова репрезентируются две его устойчивые мифологемы. Во-первых, «трава» как единица авторского художественного сознания, символизирующая «вечное», «живое», «трансцендентальное», или Бытие в гармонии с Небом и Землей. Во-вторых, «стихи» в качестве авторской ментальной структуры, развивающей тему: слово поэта – живой организм, одухотворенная субстанция, транслирующая вечные истины.

Словообраз-концепт «трава» как ядерный компонент архитипического комплекса «Сад» находит у Бахыта Каирбекова развернутую художественную экспликацию на уровне собственно поэтического дискурса в контексте стихотворения «Родословная травы»:

«Трава -

Все, что растет незаметно с весны до зимы.

Трава -

Все, что дает жизнь жучкам-паучкам,

Червям да бабочкам, - многим!

Трава-

Память земли вековая -

Покровом – щитом укрывая

Все, что давно бы могло кануть в пропасть –
в космос пара сожженных планет.

Трава -

Корни и стебли-листья - форма и формула жизни:

**жить, не мешая,
жить – помогая,
жить – умирая,
чтоб снова и снова
жить, созида
жизнь».**

«Трава» как единица с активной функциональной значимостью именно в данном стихотворном фрагменте репрезентируется в качестве ключевого словесного знака и ключевой ментальной структуры речемыслительной деятельности автора-творца. При

этом словообраз-концепт «трава» находит представление в трех ипостасях. Первая ипостась связана с определением «травы» как натурфакта: «Трава – все, что растет незаметно с весны до зимы, все, что дает жизнь жучкам-паучкам, червям да бабочкам». Вторая ипостась направлена на предикативную концептуально-метафорическую экспликацию словообраза «трава»: «Трава – память земли вековая». И наконец третья ипостась актуализирует генерализирующую символическую функциональную значимость номадической мифологемы «трава» в речемыслительной деятельности Бахыта Каирбекова: «Трава – корни и стебли-листья – форма и формула жизни». И именно архитипическая и мифологическая в своей основе семантика словообраза-концепта «трава» в каирбековской эстетической действительности репрезентирует «мир не столько увиденный, сколько созданный художником, микрокосм, целостный и антонимичный одновременно, вбирающий брэнное и вечное, мертвое и живое, реальное и символическое, эмпирическое, сиюминутное и трансцендентальное; это быт и бытие в его совокупности», если воспользоваться словесным контекстом, связанным с истолкованием архетипа «сад» у Е.М. Лулудовой.

Словообраз-концепт «трава» в поэтическом дискурсе Бахыта Каирбекова в первой ипостаси как натурфакт вбирает в себя прямую семантику соответствующего словесного знака, представляющего реальный природный феномен, дающий жизнь не только жучкам и паучкам, червям да бабочкам, но и всей другой домашней и другой живности, являющейся основным источником жизни и благополучия номадов. Кочевник, совершая беспрестанное движение со своими стадами от зимних и весенних пастбищ к летним и осенним, шел многие века и тысячелетия вслед за травой.

«Следуя по земле вслед за травой, подобно культовому животному своему – Овце, Богу Войлока – Золотому Руно, кочевник поглощает информацию о мире и сам мир», - говорит Бахыт Каирбеков в эссе «Мифо-ритуальный сценарий миропонимания кочевника». Степи, покрытые молодой зеленой травой, в мифо-ритуальном Видении номада - символическое начало вечного обновления. И неслучайно ребенку, самостоятельно делающему первые шаги в жизни при совершении степного обряда «туссау-кесер» (разрезание пут), ноги часто связывали травой, чем порождался сакральный смысл в момент ритуального использования данного натурфакта. Сакральные коннотации присутствуют в степном концепте «трава» благодаря и такой естественной детали: запах родных трав – запах земли, тебя породившей. Вспомним, что у любого кочевника вызывает особое чувство запах полыни. Именно коннотативные или индивидуально-авторские приращения смысла, порождаемые метафорической и символической семантикой анализируемого словообраза-концепта, воссоздают отмеченные выше собственно художественные ипостаси стилемы «трава» в контексте поэтического дискурса Бахыта Каирбекова. «Трава» как сквозной, или ядерный символ – «это ино-

сказательный образ, в котором, помимо того, что сказано прямо, присутствует сложный смысл, относящийся к иной, высшей реальности, постигаемой мистическим чувством поэта»[4.11].

«Мистическое чувство» Бахыта Каирбекова распространяет разбираемый иносказательный образ на образ вселенной, на образ целостной картины мироздания. Сложный смысл, репрезентируемый данной единицей индивидуально-авторского художественного сознания четко обозначен в поэтических декларациях, имеющих прямую номадическую мифологическую основу:

«Как же движение трав и ветров,
звезд и подзвездных кочевий
маршруты забыть?!»

«Как же мне славить тебя, мой космический
Век?

Что мне игрушки твои – если я позабыл
Свое знанье травы и степи и небесного древа?..

Нет!

Самолетом, ракетой вовек не добраться,
Не достичь,
Не познать мне:

Путь, названный Млечным иль Птичьим –
Начало Начал!

Язык, на котором хотели бы с нами общаться

травы Вселенной,
степи Вселенной,
древо Вселенной -

Житель Галактики».

Мистическое чувство поэта распространяет иносказательный образ «травы» на образ Вселенной, в которой звёзды – небесные травы, галактики – многотравный простор, или «степи Вселенной». В соответствии с мифо-поэтическим сценарием миропонимания кочевника травы земные, звёзды-травы, галактики-степи, Вселенная-древо, или Вселенная-сад, подчиняясь **универсальной форме и формуле жизни «жить – умирая, чтоб снова и снова жить, создавая жизнь»**, репрезентируют высшую реальность, идею вечного обновления земной и внеземной жизни, идею Бытия в гармонии с Землей и Небом.

1. Каирбеков Б.Г. Части целого: Избранное в 2-х томах. Стихи, проза, переводы. Том 2. – Алматы, 1998. – С. 55-63.

2. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 2-е изд., стереотип. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 208 с.

3. Лулудова Е.М. Архетипы в художественном тексте: Учебное пособие для студентов филологических факультетов. – Алматы: Изд. КазГУ, 2000. – 120 с.

4. Ковтунова И.И. Очерки по языку русских поэтов. – М.: «Азбуковник», 2003. – 206 с.

Мақала Бахыт Каирбековтың поэтикалық идиостилинің ерекшеліктерін сипаттауға арналады.

This article is devoted to the description of features of Bakhyt Kairbecov's poetic.

3. К. Ахметжанова

О ДИНАМИКЕ ИЗМЕНЕНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ АНТРОПОНИМОВ

Возникновение новых научных парадигм, характерное для каждого последующего витка развития научной мысли, дает возможность по-новому подойти к разработке известных с давних пор проблем. В нашем случае речь идет об антропонимах и о лингвокультурологии.

Лингвокультурология как яркое воплощение когнитивно – культурологической парадигмы гуманитарных наук не только возродила интерес к проблемам взаимодействия и взаимосвязи в рамках дихотомий «язык и человек», «язык и культура», «язык и общество», «язык и сознание» и т.д. но и предъявила такие требования к исследованиям, как: интеграционный подход, опора на широкий фундамент конкретных фактов разных языков, рассмотрение которых осуществляется на базе широкого культурного контекста, обязательная связь с коммуникативными процессами и др.

В этой связи интерес представляет динамика изменения подхода к исследованию антропонимов в русском и казахской ономастике.

Ономасты всегда были единодушны в признании тесной связи онимии как совокупности имен разных типов со всеми сферами человеческой жизни и деятельности. Везде, где требуется идентификация или индивидуализация, человек использует имя собственное как наиболее удобный способ выделения объекта.

Онимия любого народа содержит огромный информационный, культурно-исторический потенциал, в ней отражаются история, быт, психология, верования, чаяния, фантазия, художественное творчество народов, их исторические контакты.

В советский период развития лингвистики больших высот достигла тюркская ономастика. В истории разработки проблем тюркской ономастики видное

место занимают работы В.Радлова (1), В.Бартольда (2), С.Е.Малова (3), А.Н.Самойловича (4), В.А.Гордлевского (5), Н.К.Дмитриева (6) и других ученых, заложивших основы советской тюркологии. Отметим также работы таких ономастов, как Э.Бегматов в узбекской антропонимии (7), Г.Ф.Саттаров – в татарской (8), З.Г.Ураксин – в башкирской антропонимике. Проблемами ономастики занимались такие ученые, как С.Б.Веселовский, Н.А.Баскаков, В.А.Никонов, А.В.Суперанская, А.В.Суслова, В.Д.Бондалетов, Л.В.Успенский, В.У.Махпиров и др. Основательную разработку получили вопросы казахской антропонимии в трудах С.Кенесбаева (8), К.Жубанова (9) и других ученых.

Особое место в развитии казахской антропонимии занимают работы Т.Джанузакова, который не только исследовал казахскую антропонимию в научно-теоретическом аспекте, но и приложил немало усилий в деле популяризации достижений ономастики Казахстана. В трудах вышеперечисленных исследователей по онимам доминирует, как отмечает А.В.Суперанская, лингвистический компонент и не только потому, что любой оним – это прежде всего слово, но и потому, что информация о каждом имени добывается с помощью лингвистических средств. Постоянно подчеркивается, что исследование онимов невозможно без изучения общего историко-культурного контекста. См. высказывание А.В.Суперанской: «Историко – культурный аспект ономастических исследований предусматривает изучение того национально – культурного фона, на котором возникают имена и развиваются их системы».

В связи с этим многие исследователи особо выделяют такое свойство антропонимов, как информативность. Имя может нести значительную информацию о человеческих качествах, о связи лица с отцом, родом, о национальности, происхождении, роде занятий, о времени рождения, о социально-демографическом положении родителей, о местности и т.и. Е.А.Керимбаев отмечает, что этимологический анализ антропонимов позволяет извлечь информацию о расселении и этническом составе народов, данные о материальной и духовной культуре, отражать религиозные верования, обычаи и обряды. (12, с. 8)

Все вышесказанное свидетельствует об особом типе взаимодействия языка и культуры, когда культура (материальная, духовная) находит отражение в антропонимах, т.е. налицо направленное воздействие культуры на язык. Отмеченное выше однонаправленное воздействие культуры на язык имеет силу для всех без исключения антропонимов, так же, как и положение о том, что любой антропоним, в силу такого его различительного признака, как информативность, может служить источником получения культурной, исторической, социальной, национальной информации, т.е. здесь мы наблюдаем обратное воздействие.

Гурская Ю.А пишет: ...заслуживает внимания существующая с давних пор гипотеза, согласно которой личные имена представляют собой предельные

текстовые сообщения, обладающие воздействующей силой, и способные к предикации качеств.(13)

В настоящее время в лингвокультурологии утвердилось понимание, что культуру можно интерпретировать через ключевые слова, репрезентирующие культурно-значимые концепты. Изучение культуры через семантический анализ ключевых слов широко используется в современной лингвокультурологии. Так, А.Вежицкая отмечает, что ключевые слова культуры могут анализироваться как центральные точки, вокруг которых организованы целые области культуры.(14)

В роли ключевых слов могут выступать антропонимы, но только в том случае, если носители имен оставили определенный след в истории, являлись выразителями определенной идеи, оказавшей влияние на развитие целого народа. Имена таких личностей становятся символом нации, государства, олицетворением лучших начал конкретного народа, мощным консолидирующим фактором в периоды этнокультурного развития, стимулом для преодоления кризисных моментов в истории этноса.

«Анализ ключевых имен культуры как особых типов языковых знаков позволяет ... реконструировать определенный фрагмент национальной картины мира, ... помогает понять, что явилось важным с той или иной точки зрения для носителей данного общества при символическом отборе, уходящем корнями, по-видимому, в глубины коллективного бессознательного» – подчеркивает Ю.А.Гурская (с.31).

К числу ключевых имен казахской культуры, несомненно, относится Абай, с чьим именем связано несколько базовых для национального самосознания казахского народа идей. Главная идея, красной нитью проходящая через все творчество великого поэта и нашедшая свое концентрированное выражение в его «Сегіз аяқ», где Абай, перечисляя и описывая отрицательные явления, наблюдающиеся в народном быте того времени (лень, зависть, пустословие, угодничанье, ложь, предательство, бахвальство, невежество и др.), и призывая к трудолюбию, честности, к знаниям, к упорству, изложена в следующих строках, которые являются актуальными во все времена:

«Біріңді, қазақ, бірің дос

Көрмесең, істің бәрі бос.»(15)

Иными словами, мы не станем единым народом, единым организмом, до тех пор, пока каждый из нас не станет относиться к другому как к другу, не будет сочувствовать, сопереживать, помогать, не будет чувствовать себя частицей большого целого. Только так формируется единство народа, которое является залогом большого будущего.

Вторая идея, ассоциирующаяся с образом Абая, это идея осознанного отношения человека к самому себе, к своей жизни, к окружающим, идея выстраивания в его сознании ценностных приоритетов, формирования в человеке понимания истинности и ложности, вечного и преходящего, что очень четко выражается в его следующих строках: